

Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ ¹⁾.

1813-го и 14 года, собранные по поводу столѣтней годовщины.

III.

Съ перенесеніемъ войны на французскую территорію началась новая кампанія, но уже не на одномъ полѣ брани и посредствомъ ружей, штыковъ, саблей и пушекъ, но и на шахматной доскѣ дипломатическаго вѣдомства, гдѣ имѣется такъ много простора для интригъ, переговоровъ, проектовъ, контрпроектовъ и прочихъ хитроумныхъ комбинацій. Оставшаяся въ тылу союзной арміи и служащая ей операционнымъ базисомъ Германія, съ ея многочисленными самостоятельными государствами, походила, по пестротѣ своихъ независимыхъ географическихъ частей, на шахматное поле, на которомъ было гдѣ развернуться дипломатическому искусству и всѣмъ заправскимъ любителямъ спортивнаго интригантства въ области внѣшней политики. Германскія дѣла ждали своего рѣшенія по окончаніи войны; вопросъ о созданіи союзнаго или федеративнаго государства (Bundesstaat oder Staatenbund) волновалъ общественное мнѣніе не одной Германіи и Австріи, но и другихъ странъ Европы, за исключеніемъ Россіи. Попытка мелкихъ средне и южно-германскихъ дипломатовъ свить себѣ въ центральномъ управленіи оккупированныхъ союзными войсками областей бывшаго рейнскаго союза нѣчто въ родѣ „осиноваго мѣзда“, какъ исходнаго пункта для всевозможныхъ каверзъ и

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1914 г.

интригъ, не удалась благодаря бдительности, мудрости и тактичности барона *Штейна*, главнаго начальника этого учрежденія. Императоръ *Александръ I* входилъ лишь въ поверхностный разборъ чисто германскихъ вопросовъ. Онъ слѣдилъ только за тѣмъ, чтобы династическіе интересы его нѣмецкихъ родственниковъ не были принесены въ жертву велико-германскимъ идеямъ, пропагандируемымъ *Эристъ-Морицъ*, *Аридтомъ*, *Яномъ* и прочими патриотами. Но русскій царь отнюдь не питалъ тѣхъ враждебныхъ и непримиримыхъ чувствъ къ стремленіямъ нѣмецкихъ идеалистовъ относительно политическаго объединенія ихъ родины, какія проявляли въ столь сильной степени король *Фридрихъ-Вильгельмъ III*, императоръ *Францъ I*, князь *Меттернихъ*, графъ-*Мюнстеръ* и всѣ прочіе короли и владѣтельные князья упраздненнаго рейнскаго союза. На пропаганду такъ называемыхъ великогерманскихъ идей смотрѣли въ ту пору какъ на нѣчто преступное и опасное, въ смыслѣ подрыванія монархическаго престижа и державнаго авторитета. Что подобныя взгляды не могли соответствовать русскимъ воззрѣніямъ на національные вопросы, весьма понятно. Нашимъ соотечественникамъ казалось донельзя смѣшнымъ и несуразнымъ, почему это житель изъ курфюршества гессенкассельскаго долженъ политически непременно иначе чувствовать, сирѣчь вѣровать, нежели рядомъ бокъ о бокъ съ нимъ живущій подданный герцогства гессенъ-дармштадтскаго или ландграфства гессенъ-филипсталь-брахфельдскаго? Религіозную и ярко очерченную племенную рознь русскіе еще понимали и признавали, какъ, напримѣръ, между католикомъ альпійскихъ областей Баварія и протестантскимъ обывателемъ сѣверо-германской равнины, но національное различіе, отмѣченное исключительно цвѣтами и эмблемами изъ животнаго царства на государственныхъ гербахъ (соколъ, орелъ, олень, лошадь или быкъ), вызывало лишь недоумѣніе вмѣстѣ съ насмѣшками въ рядахъ нашихъ войскъ.

Хотя союзная армія и вступала уже въ предѣлы Франціи, но военныя дѣйствія въ самой Германіи все-таки не кончились. Гамбургъ и Данцигъ были еще во власти французовъ и осаждались отчасти русскими войсками. Саксонія, король которой такъ упорно держался союза съ *Наполеономъ*, находился военно-плѣннымъ въ Берлинѣ, его государствомъ управлялъ генераль-губернаторъ князь *Рѣпнинъ*, о которомъ до сихъ поръ сохранилась въ Дрезденѣ память, какъ о *благодѣтель* этой страны. Рѣпнинъ управлялъ Саксоніей годъ и 2 мѣсяца

и за все это время расходы по высшей администраціи, т.-е. на содержаніе канцеляріи и прочихъ штатовъ генералъ-губернаторства, покрывались *русской казной*. Можно было бы предполагать, что Императоръ *Александръ I* хотѣлъ подобной снисходительностью проявить свое особое расположеніе къ саксонскому королю *Фридриху-Августу I*, человеку несомнѣнно умному, образованному, воспитанному и уже пожилому; но ни чуть не бывало!—Во время вѣзда трехъ монарховъ послѣ Лейпцигскаго сраженія въ городъ, саксонскій король вышелъ изъ своего дворца навстрѣчу государямъ и стоя на улицѣ у дверей сталъ ихъ ожидать. Приблизившійся первымъ къ нему императоръ *Францъ I* поклонился холодно королю, не остановилъ своего коня. Король *Фридрихъ-Вильгельмъ III* задержалъ на минуту лошадь и обмѣнялся, оставаясь въ сѣдлѣ нѣсколькими фразами съ своимъ коронованнымъ коллегой. Императоръ же *Александръ I* не только не отвѣтилъ на поклонъ саксонскаго монарха, но отвернулся даже въ другую сторону ¹⁾. Изъ этого эпизода можно заключить, что русскій царь не питалъ никакихъ дружескихъ чувствъ къ *Фридриху-Августу I*.

Князь *Рюминъ* простиралъ свою добродѣтель по отношенію къ Саксоніи и специально къ Дрездену до затраты большихъ суммъ, невѣдомо откуда ввѣтыхъ, на улучшеніе и украшеніе столицы саксонскаго королевства, отдавая нерѣдко городу въ безвозмездный наемъ и рабочью силу русскаго гарнизона. Такъ между прочимъ утверждали, что знаменитая „*Брюльская терраса*“ въ Дрезденѣ сооружена стараніями князя *Рюмина* и на средства русскаго военнаго вѣдомства. Къ сожалѣнію, намъ не удалось провѣрить, насколько этотъ, ходившій еще въ 60-тыхъ годахъ слухъ соответствовалъ дѣйствительности.

Довольно странная и на первый взглядъ непонятная двойственность оцѣнки замѣчалась со стороны нѣмецкихъ гражданъ по отношенію къ русскимъ войскамъ во время ихъ пребыванія и оккупациіи Германіи въ 1813 и 14 годахъ. Что касается отзвонъ самихъ жителей, насколько они сохранились въ разнообразныхъ дѣлахъ, городскихъ архивахъ и другихъ казенныхъ или общественныхъ учрежденіяхъ, то взаимныя отношенія между обѣими сторонами были наилучшія; нигдѣ, никогда, ни отъ кого не раздавались *серьезныя жалобы* на поведеніе русскаго

¹⁾ Очерки изъ исторіи освободительныхъ войнъ въ Германіи *Мюллеръ-Бома*, собранные и изданные *Павломъ Киттель*.

войнства. Даже во время штурма Лейпцига, наши отряды, ворвавшіеся въ городъ, не давали повода къ нареканіямъ. Иное отношеніе и нерѣдко противоположную оцѣнку мы находимъ въ повременныхъ и періодическихъ изданіяхъ того времени. Тамъ попадаются рассказы и объ ужасахъ и о звѣрствахъ, чинимыхъ казаками, башкирами, калмыками и прочими „азіатами“. Во многихъ газетахъ, выходившихъ въ государствахъ рейнскаго союза, проводился взглядъ съ притянутыми за волосы доказательствами, что *подлиннаго русскаго народа, русскаго языка въ сущности не существуетъ*, а что подъ собирательной кличкой „русскихъ“ слѣдуетъ подразумѣвать цѣлый „конгломератъ“ разнообразнѣйшихъ полуварварскихъ и совершенно дикихъ племенъ азіатскаго происхожденія, какъ: татаръ, чувашъ, башкиръ, киргизъ, калмыковъ, самоѣдовъ, лапландцевъ, мордвы, черкесовъ, черемисъ и т. п. національностей. Не удивительно, если послѣ такой лестной аттестаціи во многихъ нѣмецкихъ городахъ, не выдавшихъ еще русскихъ, трепетали при одной мысли о появленіи этихъ звѣроподобныхъ людоѣдовъ. Ходячимъ лозунгомъ стала фраза, появившаяся также впервые въ печати: „*Lieber die Franzosen als Feinde, denn die Russen als Freunde*“ („лучше враги французы, нежели друзья русскіе“). Такія и подобныя имъ летучія поговорки сочинялись сначала въ правительственныхъ бюро печати Парижа и рейнскаго союза, а затѣмъ и въ канцеляріи князя *Меттерниха*, который не хуже *Наполеона* умѣлъ оцѣнивать значеніе и силу печати и дѣятельность хорошо организованной тайной политической полиціи. Къ сожалѣнію, ни хитроумный *Alexander I*, ни слишкомъ прямолинейно мыслящій прусскій король не видѣли и не признавали особенной выгоды отъ умѣлаго пользованія этими двумя оружіями, такъ что баронъ фонъ *Штейнъ* не имѣлъ возможности противодѣйствовать интригамъ Вѣнскаго кабинета въ должной мѣрѣ. Усилія же *Меттерниха* были направлены къ тому, чтобы, какъ повѣствоваль онъ въ субсидированной имъ печати, Россія не замѣнила во всѣхъ отношеніяхъ Францію, т. е. чтобы Европа, освободившаяся отъ французской гегемоніи, не подпала подъ *болѣе тяжелую русскую!* Во избѣжаніе такого оборота дѣлъ, Австрія готова была идти на какія угодно уступки и политическія комбинаціи. Только геройски-отчаянное сопротивленіе, оказываемое наполеоновскою арміею, вначалѣ 1814 года, вторгнувшимся во Францію союзнымъ войскамъ было причиной, что интриги, затѣваемые со разныхъ сторонъ противъ мало-мальски справедливаго рѣшенія вопроса о будущемъ проведеніи политическихъ границъ, на

картъ Европы, не приняли преждевременно характеръ открыто-враждебнаго выступленія одной части договаривавшихся между собой державъ противъ другой.

Провозглашенный всей политической Европой принципъ легитимизма затруднялъ донельзя установленіе естественныхъ и этнографическихъ границъ тамъ, гдѣ это требовалось во имя справедливости и экономическихъ интересовъ по отношенію къ тѣмъ областямъ и народностямъ, которыхъ диктаторскій произволъ *Наполеона*, царившій въ продолженіе десяти лѣтъ, ввергъ въ условія государственной жизни идущихъ въ разрѣзъ съ общимъ желаніемъ населенія. Баронъ *Штейнъ* прекрасно сознавалъ всю тщетность своихъ попытокъ убѣдить кого-либо изъ державшихъ въ своихъ рукахъ судьбу народовъ монарховъ, въ зловредности политическаго принципа, покоющагося на одномъ легитимизмѣ. Онъ писалъ и доказывалъ Императору Александру I и всѣмъ правительствамъ союзныхъ великихъ державъ, что добрая треть всѣхъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей не достойна царствовать дольше или вновь занять упраздненные *Наполеономъ* престолы. *Штейнъ* высказывалъ между прочимъ открыто мысль, что никогда французскій властелинъ не достигъ бы такого могущества, славы и преобладанія въ Европѣ, если бъ не поразительно счастливая случайность способствовала ему въ этомъ. Во всемъ старомъ свѣтѣ не было въ началѣ карьеры *Наполеона* ни одного монарха, приближавшагося хоть немного по уму, характеру, энергіи и силѣ воли, къ геніальному корсиканцу. Его окружали со всѣхъ сторонъ главы государствъ или совсѣмъ невмѣняемые, какъ короли Англій *Георгъ III* и Швеціи *Густавъ IV*, или стоявшіе на уровнѣ средняго интеллектуальнаго развитія и даже ниже этого, какъ на примѣръ король *Фридрихъ Вильгельмъ III*, императоръ *Францъ I*, оба короля Сардиніи *Викторъ-Амедей* и *Карлъ Эммануилъ IV*. Король неаполитанскій *Фердинандъ IV*, король испанскій *Карлъ IV* и португальскій *Гоаннь VI* были самыми заурядными личностями, неспособными подняться въ своихъ возврѣніяхъ до умственнаго уровня, необходимаго для успѣшнаго плодотворнаго управленія сложнымъ правительственнымъ механизмомъ страны. Наткнись *Наполеонъ* хоть на одного изъ такихъ противниковъ какими были: *Петръ Великій*, *Фридрихъ II* или *Иосифъ II* австрійскій, онъ едва-ли восторжествовалъ бы такъ легко надъ всей Европой. Слѣпая фортуна дѣйствительно много содѣйствовала первоначальнымъ блестящимъ успѣхамъ необычайно смѣлаго, рѣшительнаго и хитраго генерала *Буонапарте*.

Завѣдуя дѣлами центральной комиссіи или временнаго административнаго департамента, какъ называлось учрежденіе, основанное правительствами союзныхъ государствъ: Россіей, Австріей и Пруссіей, для управленія германскими областями, оккупированными войсками коалиціи, баронъ Штейнъ имѣлъ возможность ознакомиться поближе съ былымъ образомъ правленія монарховъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, входившихъ въ составъ рейнскаго союза, при чемъ наткнулся на многія доказательства, подтверждавшія ходячую дурную славу про многихъ сувереновъ западно - и южно - германскихъ странъ. Такъ про короля вюртембергскаго, Фридриха I, онъ писалъ: *„Король вюртембергскій, отвратительный по своей наружности, своему чванству, обжорству, трусости и безпутной жизни. Невозможно, что такой человекъ не нашелъ бы соответствующій и достойный его характеру конецъ. Этотъ правитель осмѣлился даже послѣ Лейпцигскаго сраженія и отступленія наполеоновской арміи, когда черезъ Вюртембергъ стали проходить союзныя войска, отдать приказъ, чтобы въ госпитали, лазареты и больницы его королевства не принимали раненыхъ и больныхъ „иностранныхъ“ солдатъ. Штейнъ требовалъ энергично смѣщенія этого короля съ престола, но конечно ничего не могъ добиться. Но больше всѣхъ остальныхъ князей, отличавшихся деспотическими наклонностями и развратными похождениями, возмущалъ общественное мнѣніе изгнанный въ свое время Наполеономъ, послѣ Іенскаго сраженія, и возвратившійся къ концу 1813 года въ свои прежнія владѣнія Курфюрстъ гессенкасельскій Вильгельмъ I.*

Состоявшій у Штейна, въ качествѣ главнаго сотрудника, кабинетный секретарь короля прусскаго, Эйхорнъ писалъ въ своемъ докладѣ про дѣла и поведеніе курфюрста гессенкасельскаго слѣдующее: *Der Kurfürst von Hessen übt eine Gerechtigkeit des Ueberstandes und der Roheit aus, die die Unterthanen zur Verweiflung bringt und in vielen Gemüthern die schlimmen zeiten der vorigen Regierung zurückwünscht.* (Курфюрстъ гессенскій проявляетъ справедливость, внушаемую одной ему глупостью, жесткостью и грубостью, чѣмъ доводитъ подданныхъ до отчаянія и пробуждаетъ въ душѣ ихъ желаніе къ возврату къ прежнимъ лихимъ временамъ правленія). Сего державнаго повелителя ненавидѣли всѣ его подданные, отъ малаго до великаго, за его необычайную скаредность, жестокость и нравственную нечистоплотность, которой, впрочемъ, соответствовалъ и внѣшній его видъ.

И подумать только, что изъ-за подобной отвратительной фигуры было не мало пролито и русской крови! Про баварцевъ

Эйхорнъ доносилъ *Штейну* официально, что наглымъ притязаніямъ начальниковъ баварскихъ гарнизоновъ нѣтъ предѣла. Чиновники и политическіе шпіоны баварскаго правительства проявляютъ всюду суетное безпокойствіе съ заносчивой дерзостью и низкими подвохами по отношенію къ властямъ центральнаго департамента. Суть дѣла заключалась въ томъ, что правительства трехъ союзныхъ континентальныхъ державъ оставили на мѣстѣ весь административный аппаратъ и служебный укладъ въ оккупированныхъ нѣмецкихъ областяхъ, предоставивъ центральному управленію только высшій надзоръ за правильнымъ теченіемъ государственно-общественной жизни въ означенныхъ областяхъ. Не будь во главѣ этого учрежденія барона *Штейна*, оно не имѣло бы никакого значенія. Австрійскимъ членомъ правленія значился въ немъ графъ *Шниель*, послѣ того, какъ отказался отъ этой должности извѣстный политикъ и публицистъ *Гентцъ*. Прусскимъ уполномоченнымъ состоялъ тайный совѣтникъ *Фризе*. Со стороны Россіи принимали участіе упомянутый уже выше *швейцарецъ* изъ *Базеля*, *Андрей Меріанъ* и пріобрѣтшій впоследствии извѣстность коллежскій ассесоръ *Николай Турненевъ*, котораго баронъ *Штейнъ* очень полюбилъ и цѣнилъ за его прямоту, честность и преданность долгу, а также и за любовнательность, выдающееся дарованіе и стремленіе къ наукамъ. На *Турненева Штейнъ* произвелъ, въ свою очередь, неизгладимое впечатлѣніе. Въ вышедшей въ 1847 году въ Парижѣ книгѣ *Турненева „La Russie et les Russes“* онъ характеризуетъ бывшаго своего начальника спустя уже 18 лѣтъ послѣ его смерти такъ: „Sa tête était trop vaste pour ne penser qu'aux intérêts d'une seule caste; son âme trop grande, trop fort pour ne s'occuper que des destinées d'une fraction alors quelle pouvait embrasser le tout.—On parle du Dôme de Cologne, ce monument à part, qui doit devenir le symbole mystique d'une unité non moins mystérieuse. Un monument érigé à Stein au nom de tout le peuple allemand ferait, à mon avis, beaucoup mieux comprendre qu'il s'est opéré un nouveau progrès réel dans l'esprit public de ce peuple“.

(Его умъ былъ слишкомъ обширенъ, чтобы думать только объ интересахъ одного сословія; онъ былъ слишкомъ великодушенъ, чтобы принимать къ сердцу судьбу какой-либо одной фракціи, разъ она не могла обнять все остальное. Говорятъ о Кельнскомъ соборѣ, этомъ особенномъ памятникѣ, который, какъ таинственный символъ, долженъ олицетворять не менѣе таин-

ственное объединеніе. Воздвигнутый памятникъ *Штейну* отъ имени всѣхъ народовъ Германіи гораздо лучше уяснилъ бы все, что сдѣлано имъ новаго въ области реального преуспѣянія общественнаго мнѣнія среди этого народа).

Вотъ какъ оцѣнилъ безпристрастный русскій человекъ чужестраннаго государственнаго дѣятеля, котораго монархъ той страны, гдѣ онъ служилъ, умѣлъ очертить лишь отборно бранными словами, съ прибавленіемъ угрозы отправить его въ заточеніе. Нѣтъ, правы были немногіе прозорливые политическіе умы той эпохи, утверждавшіе, что *Наполеонъ* потому такъ легко справился со всей Европой, что противники, равно какъ и приверженцы его *были черезчуръ уже ничтожны*. Они были прямо подавлены престижемъ французскаго императора, который, въ качествѣ протектора рейнскаго союза, держалъ ихъ въ полной матеріальной зависимости отъ себя и распоряжался въ этой донелзя нелѣпой въ политическомъ и географическомъ значеніи слова организаціи, какъ въ своей частной вотчинѣ. Обаяніе Наполеона въ Германіи носило буквально сказочный характеръ, о чемъ свидѣтельствовалъ слѣдующій фактъ.

Въ сраженіи при Вуршенѣ или Бауценѣ, небольшому отряду русскихъ регулярныхъ кавалеристовъ и казаковъ удалось напасть на заблудившійся французскій обозъ, въ которомъ случайно находились и четыре фургона съ вещами самаго императора *Наполеона*. Чтобы не дать возможность овладѣть непріятелю добычей, французскій конвой взорвалъ незначительный пороховой транспортъ, вслѣдствіе чего уничтожены были и придворные фургоны. Спустя нѣкоторое время прибываетъ въ Дрезденъ съ экстренной почтой, на взмыленныхъ отбѣшенной ѣзды лошадяхъ, таинственная личность и останавливается въ королевскомъ дворцѣ. Но здѣсь пріѣзжій незнакомецъ сразу сильно заболѣваетъ и къ нему спѣшатъ не только придворные лейбъ-медики, но и самъ саксонскій король *Фридрихъ Августъ I*. По городу стали носиться разнообразныя тревожныя слухи относительно личности внезапно прибывшаго съ почтой пассажира. Скоро граждане Дрездена передавали другъ другу шепотомъ на ухо имя больного гостя, произнося членораздѣльно слово: *На-по-ле-о-нъ*. И дѣйствительно, судя по поведенію придворныхъ и короля, можно было предполагать, что въ покояхъ дворца лежитъ самъ великій императоръ. По два и по три раза въ день отправлялся саксонскій монархъ къ больному освѣдомляться о состояніи его здоровья. Наконецъ, незнакомецъ поправился и сталъ выходить, при чемъ только и

выяснилось, что это былъ старшій камердинеръ Наполеона, посланный въ Дрезденъ за покупкой необходимыхъ вещей, погибшихъ отъ взрыва ¹⁾).

Магическій страхъ и трепеть, распространяемый всюду Наполеономъ при его появленіи, очень умѣло поддерживался, съ чисто комедіантской виртуозностью, его приближенными: маршалами, министрами, генералами, посланниками вплоть до послѣдняго писаря или сержанта. Императоръ Александръ I и чины его арміи, прошедшіе побѣдоносно отъ Москвы до Парижа, не проявили и десятой доли такого умѣнья, между тѣмъ для тѣхъ временъ это было не лишнимъ нравственнымъ подспорьемъ при веденіи дипломатическихъ переговоровъ. Вообще же то самоуниженіе, внушенное русскому войску, которымъ гордились у насъ въ нѣкоторыхъ военныхъ сферахъ, какъ признакомъ культурности и гуманности, не принесло намъ никакой пользы и не повысило ни на волосокъ нашъ нравственный цензъ въ глазахъ Европы. Во время кампаніи 1814 года во Франціи, русскія войска отличались опять наиболѣе строгой дисциплиной, въ сравненіи съ другими. Это обстоятельство отмѣчаютъ особенно наши офицеры изъ остзейскихъ уроженцевъ, какъ напримѣръ Эдуардъ фонъ Левенштейнъ въ своихъ печатанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ воспоминаніяхъ: „*Mit Graf Pahlens Reiterei gegen Napoleon*. (Съ конницей графа Палена противъ Наполеона), гдѣ авторъ возмущается варварскимъ поведеніемъ баварскихъ, виртембергскихъ и прочихъ южно-германскихъ войскъ, этихъ недавнихъ „вѣрныхъ“ союзниковъ французскаго императора. Поводъ къ замѣчаніямъ и критикѣ давали иногда русскіе субалтернъ-офицеры, не отличавшіеся въ ту пору особеннымъ образованіемъ и воспитанностью, но грѣшившіе главнымъ образомъ по части черемърнаго поклоненіе Бахусу. Благодаря только такому слишкомъ ужъ ретивому проявленію религіозныхъ чувствъ къ языческому Божеству, можно было объяснить и странный поступокъ генерала Дехтерева, разбившаго въ замкѣ (La Chapelle) собственноручно объ полъ драгоцѣнный, художественной работы, бюстъ Вольтера, предполагая, что онъ изображалъ какого-то французскаго маршала. Но кончилась война. Парижъ былъ взятъ и Наполеонъ устраненъ съ французскаго престола. Наступило время сравнительнаго успокоенія и отдыха отъ тяжелыхъ перипетей войны. Русскія войска стали

¹⁾ „Königsbergische Hartung'sche privilegirte Zeitung“, отъ октября 1813 года и въ воспоминаніяхъ Варнгагена фонъ Энзе (Varnhagen von Ense).

постепенно возвращаться въ далекую родину, шествуя не торопясь обратно черезъ Германію, при чемъ однако имъ скоро пришлось убѣдиться, что отношеніе къ нимъ жителей существенно измѣнилось, по сравненію съ предыдущимъ годомъ. О восторженныхъ встрѣчахъ побѣдителей не было и помину. Всѣ старанія и помыслы были направлены къ тому, чтобы поскорѣе избавиться отъ неособенно щегольски обмундированныхъ пришецовъ.

Странный, необычайно антидемократическій и сословный духъ царилъ тогда надъ Европой, несмотря на то, что еще наканунѣ всѣхъ разыгравшихся событій, народы воодушевлялись идеями *братства, равенства и свободы*. Суровая, безрасудная реакція распространялась даже на мелочи. Такъ передъ торжественнымъ вступленіемъ въ Парижъ всѣмъ союзнымъ войскамъ приказано было пообчиститься, дабы не „шокировать“ своимъ неряшливымъ видомъ изящныхъ, образованныхъ, воспитанныхъ парижанъ и парижанокъ. Приказъ этотъ выполнялся съ *особенной строгостью въ русскихъ войскахъ*. Но и прусскій король хотѣлъ щегольнуть своей арміей и когда оказалось, что у 4-го корпуса генерала Йорка (самого лучшаго, самого храбраго) не оказалось приличной обмундировки, *Фридрихъ Вильгельмъ III* вычеркнулъ въ приказѣ его изъ числа корпусовъ, назначенныхъ участвовать въ шествіи съ примѣчаніемъ „*schmutzige Leute*“ (грязные люди) ¹⁾. Сильно обтрепанный видъ русскихъ отрядовъ, идущихъ черезъ нѣмецкія земли домой, былъ нерѣдко причиной недоразумѣній. Граждане Германіи вспоминали о блестящей внѣшности наполеоновской гвардіи, дѣлая банальныя сравненія, *совершенно забывая при этомъ, что грозный повелитель этою отборною войскою одѣвался, снаряжалъ и кормилъ своимъ, поражающею красотой легионамъ, болѣею частью на счетъ покоренныхъ имъ нѣмецкихъ земель!* Недоразумѣнія съ русскими военными властями выходили и на почвѣ исторической оцѣнки недавняго прошлаго, превратившагося въ воспоминаніяхъ нѣмецкаго народа въ сказанія, далеко не соотвѣтствовавшія дѣйствительности.

Одно изъ наиболѣе крупныхъ недоразумѣній произошло 3-го августа 1814 года въ небольшомъ городкѣ Восточной Пруссіи, въ Гумбинненѣ. Въ означенный день праздновалось рожденіе короля *Фридриха Вильгельма III*. Въ виду радостнаго избавленія государства отъ тяготѣвшаго надъ нимъ въ продолженіе 6^{1/2} лѣтъ

¹⁾ Смотри *Дройзенъ* „Жизнь фельдмаршала Йорка“.

невыносимаго ига, общественныя и правительственныя власти не одного города, но и всего округа рѣшили отпраздновать этотъ день съ особенной помпой. Находившійся случайно проездомъ въ Гумбинненѣ нашъ, хорошо извѣстный всей Германіи, бывшій русскій главнокомандующій, *графъ Витенштейнъ* съ нѣкоторыми другими высшими военными чинами русской арміи получили тоже приглашеніе. Но такъ какъ во всемъ городѣ не нашлось достаточно большого зала для помѣщенія всѣхъ желавшихъ принять участіе въ банкетѣ, то распорядились устроить его въ великолѣпномъ саду при зданіи правительственныхъ провинціальныхъ учрежденій, тѣмъ болѣе, что погода очень благопріятствовала такой затѣѣ. Единственный провозглашенный тостъ за короля былъ произнесенъ *Regierungspresident*-омъ (губернаторомъ), превозносящимъ при этомъ заслуги *Фридриха Вильгельма III* въ самыхъ превыспренныхъ выраженіяхъ, не скупясь на похвалу и по адресу прусской арміи. *Графъ Витенштейнъ* былъ вполне увѣренъ, что послѣ этой здравицы и прочихъ днѣирамбовъ, послѣдуетъ тостъ и за русскаго императора и его войско, но когда вмѣсто ожидаемаго провозглашенія участники трапезы затянули банальный и чисто буржуазный гимнъ: (*Spiessbürger-Hymne*) „*Der König rief und alle, alle kamen*“, *графъ Витенштейнъ* не вытерпѣлъ и, возмущенный безтактностью устроителей банкета, всталъ и произнесъ рѣчь, въ которой громко заявилъ, что нужно пѣть: не *Der König rief*, а *Der Kaiser rief*, ибо только благодаря энергіи и настойчивости идеально безкорыстнаго императора всероссійскаго и беззаветному мужеству его арміи, Пруссію удалось освободить отъ иноземной тирании. Не успѣлъ *графъ Витенштейнъ* кончить, какъ поднялся неистовый крикъ и шумъ, переполненный возгласами негодованія. Со всѣхъ концовъ громаднхъ банкетныхъ столовъ раздавались требованія о немедленномъ и насильственномъ удаленіи русскихъ гостей; многіе, особенно негодовавшіе, патріоты и горячія головы обступили *Витенштейна*, угрожая ему словами и жестами. Лишь энергичными стараніями наиболѣе благоумной части присутствовавшихъ на банкетѣ лицъ удалось предотвратить столкновеніе, могшее имѣть очень серьезныя послѣдствія ¹⁾. Этимъ некрасивымъ диссонансомъ закончилась эпопея пребыванія русскихъ войскъ въ Германіи. Исторія же

¹⁾ Донесеніе начальника Гумбинненскаго округа шефъ-президенту фонъ Ауэрвальду (Кенигсбергскій королевскій государственный архивъ) Königsbergsche privilegirte Hartungsche Zeitung von 7-ten August 1814.

занесла на своихъ крижаляхъ нѣсколько новыхъ страницъ съ отдѣльными главами, между которыми поучительный трактатъ о полнѣйшей непригодности, хотя бы только частичнаго примѣненія обычной семейно-гражданской или общественной нравственности къ вопросамъ внѣшней политики является самымъ важнымъ, ибо онъ доказываетъ, что никакой настоящей, т.-е. не согласующейся съ жизненными интересами страны, благодарности между государствами не было, нѣтъ и *быть не можетъ*. Оказывать же безкорыстные услуги, вплоть до благодѣянія чужому народу, не считаясь съ нуждами своего, родного, ради преслѣдованія однѣхъ общечеловѣческихъ, утопическихъ цѣлей ведетъ въ тупикъ мечтательныхъ умозрѣній, изъ котораго затѣмъ нѣтъ логическаго выхода. Въ правильности этого вывода убѣдился очень скоро Императоръ *Александръ I*, о дѣянiяхъ котораго намъ хотѣлось бы въ силу всего вышензложеннаго поговорить только въ отдѣльной главѣ.

Сообщилъ М. В. Станиславскiй.

(Окончанiе слѣдуетъ).

